

УДК 616.89-052(571.150)

САМООТНОШЕНИЕ ЛИЦ С ПОВЫШЕННОЙ ТРЕВОЖНОСТЬЮ И РАЗНЫМ УРОВНЕМ АКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Тырина Марина Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и управления образованием ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Россия, Барнаул, Email: tyrina@mail.asu.ru, ORCID iD [0000-0002-7931-2474](https://orcid.org/0000-0002-7931-2474)

Тырина Карина Сергеевна, магистрант Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Россия, Барнаул, Email: tyrina99@inbox.ru

SELF-ESTEEM OF INDIVIDUALS WITH INCREASED ANXIETY AND VARYING LEVELS OF SOCIAL MEDIA ACTIVITY

Tyrina Marina Petrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Education Management, Altai State University, Russia, Barnaul, Email: tyrina@mail.asu.ru, ORCID iD [0000-0002-7931-2474](https://orcid.org/0000-0002-7931-2474)

Tyrina Karina Sergeyevna, Master's student at the Institute of Humanities, Altai State University, Russia, Barnaul, Email: tyrina99@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена теоретическому анализу взаимосвязи самооотношения, повышенной тревожности и активности личности в социальных сетях. Автор систематизирует отечественные и зарубежные подходы к пониманию самооотношения как сложной эмоционально-оценочной системы, установочного ядра личности и детерминанты личностного развития. На основе обзора эмпирических исследований обосновывается устойчивая отрицательная связь между самооотношением и тревожностью: низкая самооценка, неопределённость Я-концепции и зависимость самооценности от внешней оценки повышают уровень генерализованной и социальной тревожности. Особое внимание уделяется опосредующей роли активности в социальных сетях: показано, что пассивное потребление контента и активная самопрезентация по-разному связаны с самооотношением и тревожностью, причём ключевыми механизмами выступают низкая ясность Я-концепции, зависимость самооценки от обратной связи в сети и социальная тревожность. Делается вывод о необходимости дальнейшего эмпирического изучения профилей самооотношения у тревожных лиц с разным типом онлайн-активности для разработки адресных психологических программ.

Ключевые слова: повышенная тревожность, тревожное расстройство, невроз, самооотношение.

Abstract: This article provides a theoretical analysis of the relationship between self-esteem, heightened anxiety, and social media activity. The author systematizes domestic and international approaches to understanding self-esteem as a complex emotional-evaluative system, the core of personality attitudes, and a determinant of personal development. A review of empirical studies substantiates a persistent negative relationship between self-esteem and anxiety: low self-esteem,

self-concept uncertainty, and dependence of self-worth on external evaluation increase levels of generalized and social anxiety. Particular attention is paid to the mediating role of social media activity: it is shown that passive content consumption and active self-presentation are differently associated with self-esteem and anxiety, with low self-concept clarity, dependence of self-esteem on online feedback, and social anxiety serving as key mechanisms. It is concluded that further empirical study of self-esteem profiles in anxious individuals with different types of online activity is necessary for the development of targeted psychological programs.

Keywords: elevated anxiety, anxiety disorder, neurosis, self-attitude.

Современное цифровое общество характеризуется высокой степенью вовлечённости личности в виртуальное взаимодействие. Социальные сети стали неотъемлемой средой самопрезентации и коммуникации. Параллельно наблюдается устойчивый рост тревожных расстройств, в том числе среди молодёжи, для которой социальные платформы являются основной ареной социальной активности. В этом контексте особую значимость приобретает изучение психологических механизмов, опосредующих влияние виртуальной активности на эмоциональное благополучие. Одним из ключевых конструктов, объясняющих индивидуальные различия в переживании тревоги и паттернах поведения в онлайн-среде, выступает самоотношение.

Для изучения самоотношения лиц с повышенной тревожностью и разным уровнем активности в социальных сетях нами была прежде всего проанализирована литература, посвящённая исключительно теоретическим и эмпирическим аспектам феномена самоотношения.

В отечественной психологии самоотношение традиционно понимается как сложная эмоционально-оценочная система, включающая как когнитивный компонент (представления о себе), так и аффективный (чувства, переживания по отношению к себе) (Пантелеева, 1991; Сарджвеладзе, 1989). Структура самоотношения охватывает такие аспекты, как самоуважение, самооценочность, самопринятие, Я-концепцию. Многочисленные исследования убедительно демонстрируют отрицательную связь между самоотношением и тревожностью: чем ниже самооценка и менее определена Я-концепция, тем выше уровень тревоги, включая генерализованную и социальную тревожность. При этом направленность этой связи может быть как причинной, так и реципрокной (обратной).

Сарджвеладзе Н. И. проанализировал компонентное строение самоотношения, выделил объектные и субъектные способы его проявления, описал содержательные характеристики и функции, а также временное измерение этого феномена. Основным выводом монографии Сарджвеладзе Н. И. заключается в том, что самоотношение следует понимать не как часть самосознания или сумму самооценок, а как самостоятельную психологическую категорию – установочное образование, входящее в структуру диспозиционального ядра личности наряду с социальными установками и статусом. Раскрывая его строение, автор выделяет три взаимосвязанных компонента: когнитивный (самопознание), эмоциональный (чувства по отношению к себе) и конативный (внутренние действия и готовность к ним). Ключевым теоретическим положением работы становится различие двух принципиально разных способов отношения к себе: субъект-объектного, при котором человек оценивает себя с позиции внешнего наблюдателя через призму эффективности, сравнения с другими и стремления к самоконтролю, что при гипертрофии ведёт к самоотчуждению, и субъект-субъектного, ориентированного на спонтанное самовыражение, принятие себя без оценок и переживание собственной уникальности. Таким образом, самоотношение трактуется

Сарджвеладзе Н.И. как сложная динамическая система, определяющая не только то, как человек познаёт себя, но и каким способом он выстраивает диалог с собственным «Я» (Сарджвеладзе, 1989).

Пантिलеев С.Р. рассматривает самоотношение не просто как самооценку, а как сложную эмоционально-оценочную систему. Автор предложил методологию и структуру самоотношения. Основным выводом работы Пантилеева С.Р. «Самоотношение как эмоционально-оценочная система» заключается в том, что самоотношение представляет собой сложную, иерархически организованную полимодальную эмоционально-оценочную систему, а не просто сумму отдельных самооценок. В рамках этой системы он выделил три уровня обобщения: глобальное (интегральное) самоотношение, более дифференцированные компоненты (самоуважение, аутоэмпатию, самоинтерес и ожидаемое отношение от других), а также уровень конкретных действий и готовности к ним по отношению к своему «Я». Ключевым итогом также стала разработка операциональной структуры и методики для диагностики этих сложных компонентов, что позволило перейти от простого изучения содержания самосознания к анализу его эмоционально-ценностной динамики (Пантилеева, 1991).

Селезнева Е. В. изучила роль самоотношения в процессе самоосуществления и самореализации личности. Она рассмотрела самоотношение как ключевую детерминанту акмеологического развития человека. В ее работах подробно проанализированы сущность самоотношения, его психологические и акмеологические особенности. Основные выводы монографии Селезневой Е. В. сводятся к концептуальному обоснованию самоосуществления как интегративного феномена, который выступает одновременно и результатом акмеологического развития личности, и процессом её экзистенциального раскрытия. Автор показывает, что самоотношение играет роль ключевой детерминанты этого процесса, а его связь с процессуально-причинной мотивацией (включающей мотивацию достижения, отношения и социального одобрения) выступает значимым фактором акмеологического развития. Самоактуализация при этом трактуется не как конечная цель, а как интегративная личностная компетентность, обеспечивающая самоосуществление человека в профессиональной деятельности и жизненной стратегии в целом. Механизмом, запускающим и поддерживающим этот процесс, выступает самосовершенствование, ценностная ориентация на которое является системообразующим и смыслообразующим фактором. Завершающий вывод работы заключается в том, что самореализация, будучи компонентом акмеологического развития, определяется ценностно-смысловыми факторами и смысложизненными ориентациями личности, которые задают направленность и наполнение индивидуальной траектории самоосуществления (Селезнева, 2015).

Чернобродов Е. Р., Дутчина О. Б., Ситникова Е. В. описывают триаду «самосознание – самоотношение – самоопределение». Самоотношение описывается как самостоятельный объект научного исследования, рассматриваются особенности его проявления в период взросления, анализ проводится в контексте развития личности и жизнестойкости. В коллективной монографии авторы приходят к выводу, что самосознание, самоотношение и самоопределение образуют не линейную последовательность, а сложную динамическую систему, где каждый компонент выполняет свою функцию: самосознание обеспечивает когнитивное отражение собственного «Я», самоотношение выступает эмоционально-ценностным регулятором, а самоопределение является интегральным результатом их согласованной работы, проявляющимся в способности личности к осознанному выбору и построению жизненной траектории. Ключевым выводом работы заключается в том, что гармоничное развитие личности возможно только при условии сформированности

целостного, непротиворечивого самосознания в сочетании с позитивным самоотношением (включающим самопринятие, самоуважение и эмоциональный комфорт по отношению к себе), что создаёт основу для устойчивого самоопределения. Авторы обосновывают необходимость рассматривать самосознание, самоотношение и самоопределение в единстве их когнитивных, аффективных и регуляторных аспектов для понимания механизмов личностного развития (Чернобродов, Дутчина, Ситникова, 2016).

Hards E., Rathbone C. J., Ellis J. A., Reynolds S. исследовали концептуализация «Я» и самоотношение (self-concept). Авторы стремятся к экономной и четкой операционализации понятий, проводят обширный обзор литературы по структуре self-concept, self-esteem и их роли в психологии (Hards, Rathbone, Ellis, Reynolds, 2024).

Renninger K. A., Hidi S. E. исследовали академическое самоотношение (academic self-concept). Авторы дифференцировали исторически сложившийся подход к самооценке и современные многомерные модели, различающие самоотношение в разных сферах жизни (учебной, социальной, физической) (Renninger, Hidi, 2019).

Butterfield R. D. проанализировал нейробиологические основы самоотношения (self-concept) у подростков. Он установил, что негативное самоотношение связано с депрессией на уровне мозговой активности в медиальной префронтальной коре и темпоропариетальных областях. Он предложил нейроповеденческую модель, связывающую социальные факторы, нейронную обработку самореферентной информации и формирование самоотношения (Butterfield, 2023).

Далее нами были проанализированы теоретические и эмпирические работы, непосредственно рассматривающие взаимосвязь между самоотношением и тревожностью

Хорни К. описала, как невротическая тревожность искажает самоотношение личности. Автор вводит понятия «идеализированного образа» и «тирании долженствования», которые формируются у тревожной личности как попытка справиться с тревогой, что, в свою очередь, ведет к отчуждению от истинного «Я» (Хорни, 1950).

Артюхова Т. Ю. проанализировала самоотношение как механизм регуляции и коррекции тревожности. В ее работе самоотношение понимается не просто как фактор, сопутствующий тревоге, а как активный психологический инструмент, позволяющий личности справляться с тревожными состояниями (Артюхова, 2000).

Kusec A. изучал вклад различных конструктов, связанных с неопределенностью, в генерализованное тревожное расстройство. Он установил, что низкая ясность Я-концепции (self-concept clarity) и высокая непереносимость неопределенности (intolerance of uncertainty) оказались уникальными коррелятами высокого уровня симптомов генерализованного тревожного расстройства, даже после контроля других переменных (Kusec, 2016).

Zhang Y. писал о значимой отрицательной корреляции между самооценкой и социальной тревожностью: высокая самооценка выступает буфером, снижающим уязвимость к социальной тревоге (Zhang, 2019).

Yeo G., Tan C., Ho D., Baumeister R. F. изучили связи различных аспектов самости (selfhood) с депрессией и тревогой у молодежи. Ими установлена умеренная отрицательная корреляция между самооценкой/Я-концепцией (self-esteem/self-concept) и тревожностью. Аналогичные по силе отрицательные связи с тревожностью показали такие аспекты, как самосострадание (self-compassion), самоэффективность (self-efficacy) и саморегуляция (self-regulation). Важно, что в отличие от депрессии для тревожности не была выявлена однозначная причинно-следственная направленность. Авторы считают, что связь между самоотношением и тревожностью может быть как причиной, так и следствием (Yeo, Tan, Ho, Baumeister, 2023).

Hertel A. W., Sokolovsky A. S., Mermelstein R. J. доказали, низкая ясность Я-концепции предсказывала повышение уровня тревожности. Доказано, что размытое, противоречивое самоотношение является фактором уязвимости к развитию тревожных состояний. И взаимно: тревожность и депрессия также предсказывали последующее снижение ясности Я-концепции (Hertel, Sokolovsky, Mermelstein, 2024).

Hume-Figueroa M. R., Téllez-Alanís B. изучали, как самооценка и многомерная Я-концепция (self-concept: эмоциональная, социальная, академическая, семейная, физическая) предсказывают различные измерения социальной тревожности (страх публичных выступлений, взаимодействие с незнакомцами, чувствительность к критике и др.). Эмоциональный и социальный Я-концепт оказались наиболее сильными предикторами большинства измерений социальной тревожности. Эффект Я-концепта был сильнее, чем эффект самооценки. Выяснилось, что для понимания тревожности важнее не столько то, как человек себя оценивает (самооценка), сколько как он себя воспринимает в различных сферах жизни (Я-концепция) (Hume-Figueroa, Téllez-Alanís, 2025).

Abudusalamu S. исследовал роль самооценки (self-esteem) как медиатора в связи между верой в других (поддержка учителей, сверстников, семейная когерентность) и симптомами социальной тревожности. Сделаны выводы о самоотношении и тревожности: самооценка выступила значимым медиатором: вера в других (социальная поддержка) снижала социальную тревожность через повышение самооценки. Обнаружены гендерные различия: этот опосредованный эффект был сильнее выражен у девушек (Abudusalamu, 2025).

Peperkorn N. L. изучил, как изменение самооценки в ходе терапии связано с редукцией симптомов социального тревожного расстройства. Выяснилось, что повышение самооценки (self-esteem) было значимо связано со снижением симптомов социального тревожного расстройства (Peperkorn, 2026).

Далее нами была проанализированы работы, сфокусированные на феномене самоотношения (self-esteem, self-concept, self-worth) и его связях с тревожностью и активностью в социальных сетях.

Chang J. P. изучал, как различия в самооценке (один из ключевых аспектов самоотношения) влияют на зависимость от TikTok, а также выяснили, какую роль в этом играет социальная тревожность. Авторы установили, что низкая самооценка делает человека более уязвимым для зависимости от просмотра коротких видео, а люди с высокой самооценкой чаще становятся зависимыми от создания и публикации собственного контента. При этом социальная тревожность выступает важным промежуточным звеном в этом процессе (Chang, 2004).

Atkinson R. L. изучал влияние использования социальных сетей на самооценку молодых взрослых. Автор изучал, как различные типы активности в социальных сетях влияют на самооценку молодых людей, в том числе имеющих психологические диагнозы. Особое внимание уделялось уязвимым группам. В работе подтвердилось, что использование социальных сетей в целом негативно сказывается на самооценке и Я-концепции, усиливая тревожность и депрессивные состояния (Atkinson, 2021).

Lopez R. B., Polletta, I. изучали самооценку, зависимую от Instagram. Этот феномен они назвали Instagram-contingent self-worth. Авторы выясняли, насколько сильно чувство собственной ценности человека привязано к обратной связи в социальной сети. Исследование показало, что у людей с высокой социальной тревожностью самооценка в большей степени зависит от успеха в Instagram. Выяснилось, что такие люди склонны к гиперконтролю публикуемого контента, что указывает на нестабильность и внешнюю обусловленность их самоотношения (Lopez, Polletta, 2021).

Alfasi Y. посвятил исследование феномену «усталости от социальных сетей». Он анализирует, как самооценка влияет на негативные переживания, связанные с использованием социальных сетей, включая тревогу. Автор заключает, что тревожный тип привязанности связан с усталостью от Facebook. Эта связь опосредована такими факторами, как социальное сравнение, страх что-то упустить и тревога, возникающая при использовании платформы (Alfasi, 2022).

Bai J., Song X., Song J. изучали, как люди воспринимают различные типы самопрезентации в социальных сетях. Это важно для понимания, как активность других пользователей влияет на эмоциональное состояние и самооценку наблюдателя. Автор пришел к выводу, что позитивная самопрезентация (например, демонстрация успехов) может вызывать у наблюдателей чувство подавленности и депрессии, что приводит к снижению симпатии к автору таких постов. Это, по мнению авторов, демонстрирует, как один из видов активности в социальных сетях может влиять на эмоциональное состояние и самоощущение других пользователей (Bai, Song, Song, 2024).

Hall S. описывал преимущества сокращения использования социальных сетей, потенциальные взаимосвязи с самооценкой, ясностью Я-концепции и социальной тревожностью. Его исследование показало, что сокращение времени в соцсетях способствует повышению не только самооценки, но и ясности Я-концепции, а также снижению социальной тревожности (Hall, 2024).

Chuo H.-W. выяснял связь между использованием социальных сетей и социальной тревожностью у подростков. Он изучал опосредующий эффект ясности Я-концепции и самооценки, зависимой от оценки других. Автор ввел понятие самооценки, зависимой от оценки других (others' approval contingencies of self-worth), назвал ее прямой операционализацией внешнего самоотношения. Автор доказал, что нестабильность самоотношения (низкая ясность Я-концепции) и зависимость от чужого одобрения последовательно опосредуют связь между использованием социальных сетей и социальной тревожностью (Chuo, 2025).

Ryding F. C., Harkin L. J., Kuss D. J. исследует связь между использованием Instagram и психологическим благополучием. В фокусе их внимания – тревога по поводу внешности, которая рассматривается как связующее звено между разными типами активности в соцсети и самооценкой. Авторы приходят к выводам, что пассивное использование Instagram связано с повышенным уровнем тревожности и депрессии. Особенно значимую роль авторы отводят тревоге по поводу внешности, которая опосредует влияние социальных сетей на самооценку и общее благополучие (Ryding, Harkin, Kuss, 2025).

Проведённый теоретический анализ позволяет заключить, что самоотношение представляет собой многомерное и иерархически организованное личностное образование, в отечественной традиции понимаемое как сложная эмоционально-оценочная система (Пантिलеев С. Р.), установочное ядро личности (Сарджвеладзе Н. И.) и ключевая детерминанта акмеологического развития (Селезнева Е. В.). Зарубежные подходы дополняют эту картину акцентом на ясность Я-концепции, многомерность самоотношения в различных сферах жизни (self-concept) и его нейробиологические корреляты.

Эмпирические исследования убедительно свидетельствуют об устойчивой отрицательной связи между самоотношением и тревожностью: чем ниже самооценка, неопределённое Я-концепция и сильнее зависимость самооценки от внешней оценки, тем выше уровень как генерализованной, так и социальной тревожности. При этом связь носит реципрокный характер: размытое самоотношение выступает фактором уязвимости для

тревоги, а переживание тревоги, в свою очередь, снижает ясность и устойчивость представлений о себе.

Особую роль в этом взаимодействии играет активность в социальных сетях. Показано, что характер онлайн-поведения (пассивное потребление контента или активное создание и публикация) дифференцированно связан с самооценкой и тревожностью. Низкая самооценка усиливает зависимость от просмотра чужого контента, тогда как высокая самооценка может провоцировать зависимость от публикации собственного контента. Социальная тревожность опосредует эти связи, а зависимость самооценки от обратной связи в соцсетях (Instagram-contingent self-worth) и низкая ясность Я-концепции выступают ключевыми механизмами, объясняющими, почему интенсивное использование платформ ведёт к ухудшению психологического благополучия.

Таким образом, систематизация теоретических и эмпирических работ показывает, что самооценка является центральным звеном, опосредующим влияние цифровой среды на эмоциональное состояние личности. Выявленные закономерности обосновывают необходимость дальнейшего эмпирического изучения качественно различных профилей самооценки у лиц с повышенной тревожностью в зависимости от типа их активности в социальных сетях, что позволит разработать более точные диагностические критерии и адресные программы психологической помощи.

Литература:

1. Артюхова Т. Ю. Психологические механизмы коррекции состояния тревожности личности. Новосибирск. 2000. 197 с.
2. Панталеон С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. Москва. Изд-во МГУ. 1991. 110 с.
3. Сарджвеладзе Н. И. Самоотношение личности. Тбилиси. Мецниереба. 1989. 216 с.
4. Селезнева Е. В. Грани самоосуществления: от самоотношения к самореализации. Москва. Берлин. Директ-Медиа. 2015. 405 с.
5. Хорни К. Невроз и личностный рост : борьба за самоосуществление. Санкт-Петербург. 1997. 315 с.
6. Чжан Я. Взаимосвязь между самооценкой и социальной тревожностью: мета-анализ на примере китайских студентов // Психологические достижения. 2019. Т. 27. № 6. С. 1005–1018.
7. Чернобродов Е. Р. Психология личности: самосознание, самоотношение, самоопределение. Хабаровск. Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. 2016. 180 с.
8. Abudusalamu S. Belief in Others and Social Anxiety Symptoms among Rural Chinese Adolescents: A Moderated Mediation Model of Self-Esteem and Gender // School Psychology International. 2025. Vol. 46. no. 5. P. 475–498.
9. Alfasi Y. Attachment style and social media fatigue: The role of usage-related stressors, self-esteem, and self-concept clarity // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2022. Vol. 16. no. 2. Article 3.
10. Atkinson R. L. Exploring the Impacts of Social Media Use on Young Adults' Self-Esteem and Perceived Impact on Psychological Diagnoses or Emotional Disturbance Eligibility. Denton, Texas, 2021. vi, 91 p.
11. Bai J. People's attitudes toward others' positive self-presentations and demotivation self-presentations on SNS // Acta Psychologica. 2024. Vol. 243. P. 104160.

12. Butterfield R. D. The role of neural self-referential processes underlying self-concept in adolescent depression: A comprehensive review and proposed neurobehavioral model // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2023. Vol. 149. P. 105183.
13. Chang J.-P. The Impact of Self-esteem and Parasocial interaction on the TikTok addiction: Social anxiety as a Mediator : master's thesis. Taipei, 2024. 48 p.
14. Hards E. 'What is the self anyway?' towards a more parsimonious conceptualisation of the self: A review // *New Ideas in Psychology*. 2024. Vol. 73. P. 101080.
15. Hertel A. W. The relationship of self-concept clarity with perceived stress, general anxiety, and depression among young adults // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2024. Vol. 43, no. 5. P. 473–491.
16. Hume-Figueroa M. R. Self-esteem and Self-concept as Predictors of Social Anxiety in University Students // *Revista Educación*. 2025. Vol. 49, no. 1. P. 1–16.
17. Keles B. A systematic review: the influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020. Vol. 25, no. 1. P. 79–93.
18. Kusec A. Intolerance of uncertainty, causal uncertainty, causal importance, self-concept clarity and their relations to generalized anxiety disorder // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2016. Vol. 45, no. 4. P. 307–323.
19. Lopez R. B. Self-image regulation on Instagram: Links with social anxiety, Instagram-contingent self-worth, and content-control behaviors // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Art. 3700.
20. Peperkorn N. L. Effects of change in dysfunctional beliefs and self-esteem in avatar-based cognitive therapy for symptoms of social anxiety disorder // *Scientific Reports*. 2026. Vol. 16, no. 1. P. 1–12.
21. Renninger K. A. Interest development and learning // *The Cambridge Handbook of Motivation and Learning*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 265–290.
22. Ryding F. C. Instagram engagement and well-being: the mediating role of appearance anxiety // *Behaviour & Information Technology*. 2025. Vol. 44, no. 3. P. 446–462.
23. Yeo, G. How do aspects of selfhood relate to depression and anxiety among youth? A meta-analysis // *Psychological Medicine*. 2023. Vol. 53, no. 11. P. 4833–4855.